

Великие научные споры перемежались с мелкими личными обидами, словесными перепалками, злословием и клеветой. Члены группы астрономов были не более высоконравственны, чем участники любых других коллективов. И всё же Астрономическая обсерватория оставалась святилищем для Бини и большинства работавших там людей: здесь они оставляли мирские заботы позади, жили в мире и согласии, посвящая себя научным изысканиям и поиску ответов на великие вопросы Вселенной. Он быстрым шагом шёл по коридору, стараясь заглушить стук тяжёлых каблуков о мраморный пол, но это удавалось с переменным успехом. Шагая с неизменной скоростью, он мимолётом окинул взглядом витрины, тянувшиеся вдоль стен по обеим сторонам залы. В этих витринах на вечном хранении находились почитаемые реликвии, отражавшие историю астрономии. Здесь стояли примитивные, почти комичные телескопы, которыми четыре-пять столетий назад пользовались такие пионеры науки, как Четор и Стантан. Здесь же выставлялись грубые чёрные метеориты, собранные за минувшие века, — таинственные посланцы из-за пределов облаков. Первые печатные звёздные карты и учебники астрономии, а также эпохальные рукописи теоретических трудов великих мыслителей, местами пожелтевшие от времени, — всё это можно было увидеть здесь. Бини на мгновение остановился у последнего манускрипта. В отличие от остальных, эта рукопись выглядела совершенно новой, едва ли не только что написанной, ведь сменилось всего одно поколение с тех пор, как она была создана незадолго до рождения Бини. Это был тщательно составленный Артуром 77 труд по теории всемирного тяготения. Хотя Бини и не был особо религиозен, глядя на эту тонкую стопку бумаг, он испытывал глубочайший трепет. Он чувствовал себя паломником, благоговейно размышляющим о великом.

По его мнению, теория всемирного тяготения была опорой гармоничной Вселенной, пожалуй, самой важной её опорой. Если эта опора рухнет, последствия станут невообразимыми. И всё же теперь ему казалось, что падение этой опоры неизбежно. В конце коридора, за красивой бронзовой дверью, располагался кабинет самого Артура. Бини бросил туда беглый взгляд, ускорил шаг и взбежал по лестнице. В этот момент во всём мире был лишь один человек, с которым Бини действительно хотел встретиться, — глубокоуважаемый и почитаемый директор Астрономической обсерватории. Фано и Йемот ждали его наверху, в чертёжной, где они заранее договорились встретиться.

— Простите за небольшую задержку, — сказал Бини. — Сегодня после полудня всё смешалось в полный беспорядок.

Они одарили его нервной, серьёзной и чуть лукавой улыбкой. Какая странная парочка, подумал он, и ведь не в первый раз. Оба они происходили из отсталых сельскохозяйственных провинций — Западно-Новой или Гатамберской. Фано, невысокий, полный и круглый, двигался медленно и лениво, отличался нравом безмятежным и неторопливым, а ко всему происходящему относился с полным равнодушием. Его друг Йемот, напротив, был невероятно высок и тонок. Он напоминал лестницу на четырёх конечностях, чей нечёткий верхний конец в виде головы можно было разглядеть разве что в телескоп. В отличие от Фано, Йемот казался насквозь издерганным и тревожным. И тем не менее они были неразлучны и не могли обойтись друг без друга. Среди всех выпускников-астрономов те, кто шёл в списке сразу за Бини, безусловно, были лучшими.

— Мы ждали совсем недолго, — тут же произнёс Йемот.

— Всего пару минут, доктор Бини, — добавил Фано.

— Пожалуйста, не называйте меня доктором, — поморщился Бини. — Мне ещё предстоит пройти последнее испытание. Вы закончили те вычисления, о которых я просил?

— Сэр, это же задача по расчету гравитации, верно? — заговорил Йемот, и его удивительно длинные ноги затряслись мелкой дрожью.

Фано так сильно толкнул его локтем в бок, что Бини, казалось, услышал хруст ребер.

— Не надо так, — остановил их Бини. — Вообще-то Йемот абсолютно прав. — Он бросил мягкий взгляд на высокого юношу: — Я намеревался дать её вам как чистую, абстрактную математическую задачу. То, что вы смогли её решить и при этом поняли её связь с гравитацией, меня ничуть не удивляет. Вы ведь догадались обо всём уже после того, как получили результат, верно?

— Да, сэр, — практически в один голос ответили Фано и Йемот.

— Сначала мы прогнали все вычисления от начала до конца, — пояснил Фано.

— А потом перепроверили, и всё сразу стало очевидно, — подхватил Йемот.

— Вот оно как, — промолвил Бини.

Иногда эти двое молодых людей казались излишне нервными. Хотя какие они молодые — всего на шесть-семь лет младше его. Он — ассистент профессора, они — студенты, и между ними лежала огромная пропасть. И при этом — какая поразительная одаренность при такой молодости! На сердце у него было беспокойно оттого, что они так легко раскусили скрытый смысл задания. На самом деле он был совсем не рад этому. Пройдет всего несколько лет, они стремительно взлетят, сравняются с ним в положении, а то и составят конкуренцию в борьбе за профессорскую кафедру, и тогда ему придется несладко. Но сейчас он изо всех сил гнал от себя эти мысли. Он протянул руку, требуя распечатку вычислений.

— Можно взглянуть? — спросил он.

Йемот протянул ему листы, и руки у него заметно дрожали. Бини принялся бегло изучать строчки цифр: сначала спокойно, но с каждой секундой всё сильнее погружаясь в волнение и тревогу. Больше года он размышлял над отдельными аспектами всемирного тяготения, доведенного его наставником Артуром до совершенства. Опираясь на закон тяготения, Артур рассчитал орбиты Кальгаша и его шести солнцеподобных светил, добившись выдающихся успехов и снискав высочайшую репутацию. Используя современные вычислительные средства, Бини занимался расчетами определенных параметров орбиты, по которой Кальгаш обращался вокруг Онуса — главной звезды, дарившей Кальгашу свет. В процессе вычислений он внезапно обнаружил, что полученные им данные расходятся с теорией всемирного тяготения. Согласно закону, расстояние между Кальгашем и Онусом в определенный момент должно было составлять одну величину, однако неопровержимый факт заключался в том, что расчеты приводили совсем к другой точке. Это повергло его в шок. Отклонение было ничтожным — всего на несколько знаков после запятой, — но в масштабах необъятной Вселенной это значило

ошибиться в малом, чтобы потерять всё. Закон всемирного тяготения отличался невероятной точностью, большинство называло его именно законом. Его математический фундамент считался незыблемым. Но для теории, претендующей на описание законов движения небесных тел, не существовало понятий погрешности: были лишь два варианта — верно или неверно, а никакая двусмысленность категорически не допускалась. Бини понимал: если продолжить расчеты дальше, это крошечное расхождение в несколько знаков после запятой породит зияющую пропасть. Если по расчетам, основанным на законе всемирного тяготения, Кальгаш должен оставаться на небосклоне целое столетие, но реальное положение планеты при вращении вокруг Онуса будет отличаться от расчетного наполовину, то какой вообще толк от такого закона? Как он уже говорил Ресте, Бини пересчитывал всё бесчисленное множество раз, пока это занятие не стало вызывать у него тошноту. Результат неизменно оставался прежним. Но кому верить? Собственным вычислениям? Или непогрешимым, незыблемым результатам Артура? Собственному ничтожному взгляду на астрономию — или глубокому пониманию фундаментального устройства космоса, которым обладал Артур? Он живо представил себя стоящим на вершине купола обсерватории и кричащим во все услышанье: «Слушайте все! Теория Артура неверна! У меня есть данные, опровергающие её!» Это вызовет лишь всеобщий смех. Кто он такой? Как он смеет бросать вызов могущественному Артуру? Кто поверит зеленому ассистенту профессора, возмнившему, что он опроверг закон всемирного тяготения? И тем не менее... тем не менее...

Его глаза снова забегали по строчкам распечатки, подготовленной для него Фано и Йемотом. Вычисления на первых двух страницах были ему незнакомы: ставя перед студентами задачу, он заложил исходные данные таким образом, чтобы их скрытая взаимосвязь оставалась неочевидной. Судя по всему, они применили метод вычислений, который любой астроном, рассчитывающий траектории планет, счел бы еретическим. Ортодоксальный подход привел его самого к катастрофическим выводам; но объем обрабатываемой информации был столь велик, что использовать что-либо, кроме ортодоксальных методов, казалось невыносимым. Фано и Йемот были свободны от этого предубеждения.

Но следя за ходом их мысли, Бини начал замечать некое искусственное схождение цифр. К третьей странице их вычисления полностью совпали с его собственными, которые он отлично помнил. Начиная с третьей страницы, всё шло методично, шаг за шагом. И каждый новый шаг неумолимо приближал их к тому же самому поразительному, разочаровывающему, невыносимому и совершенно неприемлемому результату.

Бини поднял ошеломленный взгляд на студентов.

— Разве такой результат вообще возможен? Быть того не может! Где-то закралась ошибка... Ну вот эта строка с интегралом, например, — тут явно замешан какой-то подвох...

— Всё верно! — громогласно выпалил Йемот. Лицо его покраснелось, а руки заходили ходуном, словно сами по себе.

Фано ответил более сдержанным тоном:

— Боюсь, эти результаты абсолютно верны, сэр. Мы перепроверили их прямой и обратной последовательностью.

— Да, пожалуй, вы правы, — невнятно пробормотал Бини, изо всех сил стараясь скрыть охватившую его панику.

Его руки задрожали так сильно, что распечатка выскользнула из пальцев. Он попытался положить листы на стол перед собой, но запястья совершенно не слушались. Сделав невольное движение, до боли похожее на жестикуляцию Йемота, он рассыпал все бумаги по полу. Фано тут же опустился на колени, собрал их и с беспокойством посмотрел на Бини.

— Сэр, мы чем-то вас обидели?

— О нет, отнюдь нет. Просто я сегодня не выспался, вот и всё. Ваша работа проделана великолепно, без всяких сомнений. Превосходно. Я горжусь вами. Взять задачу, которая совершенно не вяжется с реальным миром и на поверку полностью противоречит научной истине, и при этом, с одной стороны, отбросить очевидную абсурдность исходного допущения, а с другой — методично довести расчеты до конца, следуя всем требованиям цифр... поистине колоссальный труд. Восхитительная демонстрация аналитических способностей, первоклассный мысленный эксперимент...

Заметив, как студенты переглянулись, Бини осекся, гадая, не выглядит ли он в их глазах полным дураком.

— Ребята, — выдавил он из себя, — а теперь прошу меня извинить... У меня назначена встреча...

Свернув злосчастные листы в трубку и зажав их подмышкой, Бини стремительно пронесся мимо студентов, выскользнул за дверь и бросился бежать по коридору прямо в безопасное уединение своего кабинета. Боже мой! Боже мой! Что же я натворил? Что теперь делать? Эти вопросы вихрем крутились в голове. Он зарылся лицом в ладони, пытаясь унять бешеный стук сердца, но оно никак не хотело успокаиваться. Спустя мгновение он поднял голову и ткнул пальцем в кнопку вызова на коммуникаторе.

— Соедините меня с журналистом «Кроникла» Саро по имени Серимон 762, — бросил он в аппарат.

Из динамика донеслось невыносимое шипение и треск. Наконец послышался глуховатый голос Серимона:

— Отдел колонок, Серимон 762.

— Это Бини.

— Что? Плохо слышно!

Бини с досадой понял, что говорит тише немощного старика.

— Я говорю — это Бини! Я... я хочу перенести время нашей встречи.

— Перенести? Послушай, старина, я прекрасно понимаю, каково твое самочувствие по утрам, потому что сам чувствую то же самое. Но поговорить нам нужно до полудня завтрашнего дня, иначе колонка не выйдет в номер. Я бы с радостью пошел тебе навстречу, но...

- Ты меня не понял. Я хочу встретиться немедленно, а не откладывать, Серимон.
- Когда?
- Сегодня вечером. В девять тридцать. Если не получится, можно в десять.
- Разве у тебя сегодня не съемки в обсерватории?
- К черту эти съемки! Мне нужно тебя видеть.
- Нужно? Бини, что случилось? Опять поругался с Рестой?
- Это никак не связано с Рестой. Как насчет девяти тридцати? В Клубе Шести Солнц?
- Клуб Шести Солнц, девять тридцать, договорились, — ответил Серимон.

Отключив связь, Бини еще долго сидел неподвижно, уставившись на лежащий перед ним бумажный рулон и угрюмо покачивая головой. На душе стало чуть спокойнее — но лишь совсем чуть-чуть. Он верил, что Серимон поможет облегчить этот груз, ведь он полностью доверял ему. Бини знал, что репортерам обычно нельзя верить, но Серимон для него был прежде всего другом и лишь во вторую очередь журналистом. Он еще ни разу не подводил Бини. И всё же Бини понятия не имел, как жить дальше. Может, у Серимона найдутся какие-то соображения? Хотя это было лишь слабым «может».

Он спустился по служебной лестнице в задней части обсерватории и шмыгнул наружу через противопожарный выход, чувствуя себя воришкой. Он боялся столкнуться с Артуром и потому не смел идти через главный вход. Сама мысль о том, чтобы встретиться с Артуром лицом к лицу, один на один, наводила на него панику. Поездка домой на мотоцикле показалась ему сущим кошмаром — ему всё чудилось, что закон всемирного тяготения в любой момент перестанет действовать и мотоцикл сорвется в небеса. И тем не менее он благополучно добрался до небольшой квартиры, которую делил с Рестой 717.

- Бини, на тебе лица нет... — испуганно выдохнула Реста, едва он переступил порог.
- словно с демоном повстречался, да? — он протянул руку и притянул ее к себе. — Обними меня. Крепко обними.
- Что случилось? В чем дело?
- Чуть позже я всё расскажу, — проговорил он. — А сейчас, умоляю, держи меня крепче.

Слегка за полночь Серимон уже был в Клубе Шести Солнц. Наверное, сейчас лучшим решением было бы дать Бини протрезветь с помощью пары быстрых глотков, чтобы взбодрить мозг и упорядочить его мысли. Голос астронома по телефону звучал отвратительно — казалось, тот из последних сил сдерживает рвущиеся наружу эмоции. Серимон не мог даже вообразить, что же такое стряслось с человеком, работавшим в такой тихой и уединенной обстановке, раз это могло так сильно выбить его из колеи за столь короткий срок. Очевидно, Бини попал в серьезный переплет и нуждался в квалифицированной помощи Серимона.

— Принеси мне порцию танолы, — обратился Серимон к официанту. — Нет, погоди — давай две. И бутылочку тано-ситсара, идет?

— Сделано, две порции белого света! — зычно отозвался официант.

Вечер выдался мягким. Все завсегдатаи знали Серимона, и ему неизменно оказывали особый прием. Как и всегда, для него зарезервировали столик на террасе с панорамным видом на город. Город сиял огнями и пестрел красками. Онус погрузился за горизонт еще пару часов назад, и теперь на восточном небосклоне едва начали восходить Трей и Патру, отбрасывая повсюду двойные тени по мере того, как наступало медленное утро. Наблюдая за этими переменами, Серимон гадал, какие именно солнца появятся на небе завтра. Небо менялось ежедневно, напоминая выставочный зал со сменяющейся экспозицией, где каждый день демонстрировался новый свет. Взойдет ли Онус? Разумеется — по крайней мере, часть дня в течение всего года его удавалось застать. И хотя он прекрасно это знал, в душе всё равно шевелилось смутное беспокойство: а вдруг на сей раз он так и не покажется? А что насчет остальных? Довим, Тано и Ситсар? Неужели небо снова станет четырехсолнечным? Он не мог сказать наверняка. Возможно, появятся лишь Тано и Ситсар, а Онус покажется лишь на пару полуденных часов, и тогда завтрашний день выдастся пасмурным.

Сделав второй глоток, он напомнил себе, что сейчас не сезон для коротких визитов Онуса, а значит, завтра с большой вероятностью будет три солнца или даже два — только Онус и Довим. Разобраться во всем этом было ох как непросто... Впрочем, если бы его это действительно волновало, можно было бы заглянуть в календарь. Но он этого не делал. Некоторые люди словно всегда знали наверняка, какие солнца взойдут завтра, — Бини был одним из них, и это казалось вполне естественным. Серимон же предпочитал плыть по течению: пока на небе завтра будет хоть какое-то солнце, ему было совершенно всё равно, какое именно. Главное, что их неизменно оказывалось два или три, а иногда даже четыре или в редких случаях пять. В этом он был абсолютно уверен.

Заказ принесли. Он сделал большой глоток и с облегчением выдохнул. Какая же прелесть этот танол! Прозрачная, крепкая и чистая белая сахарная водка с острого океанического острова Велкарен, перегнанная на морском побережье в местечке под названием Багила и сдобренная соком скалино — вкус просто потрясающий! Серимон вовсе не был горьким пьяницей и уж точно не походил на стереотипных газетчиков, однако в тусклые часы после заката Онуса, если ему не удавалось пропустить парочку стаканчиков, он чувствовал, что качество жизни в этот день заметно снизилось.

— Похоже, это пошло тебе по душе, Серимон.

Знакомый голос раздался из-за спины.

— Бини! Ты пришел раньше!

— На целых десять минут. Что пьешь?

— Старую добрую классику. Рюмку танолы.

— Прекрасно, пожалуй, закажу себе то же самое.

— Ты? — Серимон ошеломленно уставился на друга.

Насколько он помнил, Бини в лучшем случае баловался фруктовыми соками, и он еще ни разу не видел астронома за выпивкой. Однако сегодня Бини выглядел странно — изможденный, донельзя уставший. Глаза покраснели, будто после должки лихорадки.

— Официант! — громко позвал Серимон.

То, как Бини жадно припал к бокалу, заставляло тревожиться. После первого глотка он судорожно втянул воздух, словно напиток оказался много крепче, чем он предполагал, но тут же приложился к бокалу во второй и в третий раз.

— Потихе, — предостерег Серимон. — Так и до головокружения недолго минут за пять.

— У меня уже кружится.

— Нагрузился до встречи?

— Нет, — покачал головой Бини. — Меня пугает то, что творится внутри. Тревога извела.

Он опустил бокал и меланхолично уставился на городские огни. Через секунду снова поднял бокал и, кажется, совершенно машинально допил остатки до дна.

— Стоит ли мне повторить, Серимон?

— Пожалуй, не стоит. — Серимон протянул руку и мягко перехватил астронома за запястье. — Дружище, выкладывай, что у тебя стряслось.

— Это... в двух словах не расскажешь.

— Говори как есть. У меня ведь есть опыт общения с женщинами, сам знаешь. Опять с Рестой...

— Нет! Я же сказал, это никак с ней не связано, вообще никак.

— Ладно, верю на слово.

Бини вздохнул:

— Скажи, Серимон, ты ведь знаешь, что такое всемирное тяготение?

— Конечно. То есть... вряд ли я смогу объяснить его во всех деталях — на всем Кальгаше едва ли наберется дюжина людей, которые по-настоящему постигли его математический смысл, верно? — но общее представление имею.

— И ты тоже веришь в эту чушь? — Бини издал резкий, неприятный смешок. — Всемирное тяготение — штука сложная, его математическую суть понимают всего двенадцать человек.

— Мне тоже доводилось это слышать.

— Всё, что ты слышал, — не более чем темные народные поверья, — заявил Бини. — Я могу объяснить тебе весь этот математический смысл в одном единственном предложении, и ты всё

поймешь.

— В одном предложении — и я пойму?

— Без проблем.

<http://bllate.org/book/21124/2143628>